ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Андрея Андреевича Бадмаева «Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис, эволюция, трансформация» на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

Актуальность обсуждаемого труда заключается в необходимости фундированной характеристики этнографии бурятского народа, а также анализа основных блоков культуры жизнеобеспечения, содержащих информацию о происхождении и формировании этноса, специфике менталитета.

В работах моего Учителя Сергея Александровича Арутюнова, а также в новых подходах Андрея Владимировича Головнёва в понимании традиционной культуры дается подробный анализ истории трактовки терминологии «традиционная культура». Вариантов трактовок более двухсот. В то же время сам термин «традиция» и сегодня среди этнографов (тем более – среди культурологов) не находит инвариантного понимания. Из всего этого громадного количества толкований Андрей Андреевич находит свой выход и называет традиционную культуру способом бытия общества, основанного на трансляции ценностно-смысловых структур и культурных технологий (с. 6). При этом культура жизнеобеспечения в системе традиционной культуры, несомненно, играет одно из ведущих мест. Традиционная культура жизнеобеспечения бурят во всех сложностях и динамике и стала объектом изучения диссертанта. Сюда автор включает адаптационные механизмы культурогенеза, систему расселения, жилища и хозяйственные постройки, систему питания, костюмный комплекс. Мне, как работавшему по аналогичной тематике на примере другого конкретного этноса, представленный Андреем Андреевичем труд, вмещающий несколько блоков традиционной (прежде всего, материализованной) культуры, представляется смелым научным шагом.

Обсуждаемое диссертационное сочинение представляет собой первое монографическое исследование традиционной культуры жизнеобеспечения бурят XVIII–XIX вв. Новизна исследования обеспечивается отсутствием аналогичного труда, использованием неопубликованного материала, собранного в архивах и в поле. Культура жизнеобеспечения бурят впервые анализируется в контексте культурогенеза кочевников Центральной Азии и этнической истории бурят. За этой прозаической констатацией стоит новый подход в изучении традиционной культуры жизнеобеспечения, стремление в собранном и систематизированном материале увидеть бесценный источник для решения вопросов генезиса, эволюции и трансформации поселений, конструкции и внутреннего

устройства жилища, костюма и пищи. Заодно соискатель делает значительные успехи в выявлении механизмов межкультурного взаимовлияния бурят и других народов Байкальского региона. В работе также раскрываются локальные особенности функционирования изучаемой культуры.

Формирование культуры жизнеобеспечения бурят в контексте этно- и культурогенеза лежит в плоскости хозяйственно-культурного типа, в данном случае – номадизма. Способы адаптации к климату, причины миграций и другой бытовой опыт приобретался предками бурят исходя из конкретных исторических и ландшафтных ситуаций. Начиная со второй половины XVIII в. к названным факторам прибавляются влияния религиозного (православного) плана.

Бурятский вариант кочевого животноводства выступал основным видом освоения пространства. Земледелие как вид хозяйственной адаптации традиционно не имело успеха, а играло сопутствующую роль.

Со второй половины XVIII в. в Предбайкалье начинаются заимствования из русской традиции землепашества. Вместе с тем предпринимаются административные и экономические воздействия с целью перевода местного населения к оседлости. Также был расчет на превращение бурят в крестьян, а заодно на ассимиляцию с русскими. В конечном счете, произошел дрейф от номадизма в сторону оседлости.

Традиционные типы жилищ, пишет соискатель, унаследовали конические формы построек из жердей. В Предбайкалье они известны как *бухээг*, а в Присаянье – как *урса*. Все они были приспособлены к кочевой жизни и отличались лишь покрытием: зимние крылись кожей, а летние имели берестяной покров (с. 69-70). Заодно я склонен соглашаться с Андреем Андреевичем и с его некоторыми предшественниками, которые возводят конический *алачик/алачуг* к тагарско-таштыкской археологической культуре. А квадратные и многостенные срубные жилища были заимствованы у енисейских кыргызов. Далее в диссертации идет исследование формирования интерьера бурятского жилища.

Деревянная посуда, читаем в диссертации, имела заметные черты автохтонности. Основы такой утвари были заложены в средневековый монгольский период, а в последующее время в него включались отдельные элементы утвари монгольского, тибетского и китайского происхождения.

Анализируя формирование пищевого комплекса бурят, Андрей Андреевич обращается к истокам. Для сравнения он обращается к гуннскому материалу, что совершенно правильно. Ибо гунны-монголоиды, известные как западные ху, в течение многих веков занимали те же территории, что и предки бурят. Верно и то, что просо являлось основной земледельческой культурой в степном поясе древней и средневековой

Евразии. В пищу шли также мясо домашних и диких животных, рыба, свежая конская кровь, молочные изделия, для долгого хранения готовили субпродукты. В принципе, весь этот пищевой рацион был характерен для региона. Кроме того, знатные люди пользовались завозными напитками. Например, дорогим гостям в ограниченной дозе подавали китайское вино.

В XVIII в. Юго-Восточная Сибирь начинает осваиваться русскими. Но к этому времени в Западном Забайкалье переселенцев было мало. Русские останавливались в городах, а также заселяли земли вдоль р. Селенга и ее притоков. Притом это были малодворные поселения и одиночные дворы. К концу столетия в Предбайкалье сложилось чересполосное проживание русского и бурятского населения. В Забайкалье такого не наблюдалось, там были лишь отдельные анклавы проживания русских, вследствие значительного земельного простора в субрегионе серьезно не стеснявших хозяйственную жизнедеятельность бурят и селенгинских монголов. Действовавший еще с конца XVII в. запрет властей селиться русским среди бурят надолго сохранил моноэтничность бурятских поселений. Однако между русскими и бурятами были постоянные социально-экономические и иные контакты, в частности, происходил обмен зерна на продукты бурятского скотоводческого хозяйства. В то же время в Предбайкалье соперничество между русскими и бурятами за владение сельскохозяйственными угодьями продолжалось на протяжении всего XVIII в., зачастую оно усугублялось самозахватами русскими поселенцами сенокосных и иных территорий, принадлежавших бурятским сообществам.

По Д.Г. Мессершмидту, зимой буряты Предбайкалья жили в восьмистенной срубной юрте с кровлей, поддерживаемой 4-мя столбами с довольно толстыми венцами сруба, утепляемого извне завалинкой. К дверному проему такой юрты примыкал теплозащитный тамбур. Естественно, отмечает соискатель, срубные юрты также были вариативны. Летние срубные юрты от зимних отличались тем, что они не были утеплены. А зимние конопатились мхом, крыша покрывалась дерном. При летниках имелись ямы-погреба.

Мне весьма понравилось объяснение ориентировки бурятской юрты. Андрей Андреевич в этой связи анализирует высказывания своих предшественников. Например, капитан Михаил Татаринов в XVIII в. писал, что бурятская юрта обращена на юго-восток. Я.И. Линденау и швейцарец Ренье утверждали, что у бурят дверь обращена на восход солнца. Более осторожно писал Г.Ф. Миллер, учитывавший неодинаковое появление солнца на горизонте в разное время года. По Миллеру выходит, что двери выходили на восток, но иногда (с учетом зимы или лета) – на юго-восток и на северо-запад. Диссертант обоснованно вступает в полемику с Г.Ф. Миллером: «Во-первых, северо-западная ориентация входа у бурятской юрты никогда и никем из других авторов не

фиксировалась, во-вторых, подобно восточным монголам, у которых юрты были ориентированы входом на юг, для жилищ бурят Забайкалья (селенгинских монголов и хори) было характерно южное направление входа, а для бурят Предбайкалья и Прибайкалья (эхиритов, булагатов и других этнических сообществ) – юго-восточное. Вероятность восточной ориентации входа юрты нельзя отметать, [ибо] в состав бурят Предбайкалья и Восточного Присаянья вошли беженцы из Западной Монголии (хонгодоры и др.), которые и могли принести с собой такую традицию (вход в жилище у западных монголов был обращен на восток, как и у алтайских тюрок). Кроме того, и среди автохтонов Юго-Восточной Сибири имелись этнические общности, предки которых были тюркоязычны». Таковы рассуждения Андрея Андреевича на странице 102. Таким образом, соискатель учитывает все основные факторы: и вековые традиции, и заимствования (прежде всего – тюркские). Действительно, древние тюрки, учитывая сакральную важность солнца, восточную сторону жилища оставляли открытой. Например, у чувашей понятие «восток» передается двусоставным словом: *хĕвел* + *тухăç* «солнце + восход», в чем, несомненно, содержится культ солнца, света, тепла, жизни, акта рождения в широком смысле. В то же время пространство в монгольской юрте делится на западную – мужскую и восточную – женскую части, где прозрачна семантическая связь востока и женщины-родительницы. Что касается чувашей, то они в старину дома строили дверьми на восток. Позже, с появлением сеней и чуланов, а также плановой организации поселений, двери домов оказались на северной стороне, однако, выходя из сеней во двор, люди опять оказывались лицом на восток. Поскольку в древности моления совершались стоя лицом к приоткрытой двери, выходящей к востоку, в последующем сохранилось обращение к двери как к символу востока. В целом, пассаж из диссертации об ориентации дверей оказался для меня весьма кстати и полезным в сравнительном плане. Как говорил другой мой учитель Борис Николаевич Путилов, когда изучаемый материал подкрепляется материалом другого, тем более – живущего в географической отдаленности народа, то выдвигаемая теория верна.

На страницах 108-109 автор входит в дискуссию с Ф.И. Лангансом, который утверждал, что селенгинские или верхнеудинские буряты кочуют в калмыцких войлочных кибитках. «Ф. Ланганс, проживший достаточное время в Юго-Восточной Сибири, мог бы распознать существующее различие между западномонгольским, к которому принадлежала юрта калмыков, и восточномонгольским подтипами монгольских юрт. Западномонгольская юрта могла оказаться в Предбайкалье благодаря мигрантам из Джунгарии, вероятно, оттуда она транспортировалась дальше в Западное Забайкалье. Гипотетически такой сценарий возможен, но думается, что как у селенгинских монголов,

так и хори-бурят все же должна была доминировать родная для них восточномонгольская юрта», – констатирует А.А. Бадмаев. Андрей Андреевич тут, несомненно, прав.

Несмотря на особенности бурятского материала в рамках изучаемой темы, в диссертации отмечены общие (общечеловеческие) характеристики. Например, бурятам было характерна приречная форма заселения. При этом люди старались в первую очередь занять долины, богатые травами и плодородной землей.

Помимо основных животных мясомолочного направления объектами охоты были крупные хищники (медведь, волк), а также выдра, соболь, барсук, белка. Включение Г.Ф. Миллером в данный перечень росомахи, считает Андрей Андреевич, является ошибкой: буряты относили ее к «нечистым» животным. В шаманских обрядах мех росомахи не использовался, ее мясо не считалось съедобным, из ее меха не шили костюм. В круг запретной пищи относили также мясо хорька, горностая и суслика.

Объективность диссертанта проявляется и в анализе костюмного комплекса. После подписания Кяхтинского договора от 1727 г. были сняты препятствия для русско-китайской торговли. На российском рынке появляется широкий ассортимент китайских тканей. Тем не менее, соискатель, ссылаясь, в основном, на публикацию П.С. Палласа, констатирует, что Китай поставлял в Россию товары худшей доброты. Из диссертации узнаем, что в первой половине XVIII в. наборные пояса присутствуют в мужском и женском костюмных ансамблях нижнеудинских бурят. Согласно Р.Д. Бадмаевой, верхоленские бурятки на длиннополую безрукавку надевали пояс. Опираясь на имеющиеся источники, диссертант делает справедливый вывод о наличии пояса в женском костюме, а рассматриваемый период оценивает как наличие у бурят Предбайкалья сильной тюркской традиции, обусловленной участием в их этногенезе тюркских сообществ.

Андрей Андреевич в своей работе часто прибегает к сравнительно-исторической методологии и методу реконструкции. Например, при анализе верхней девичьей одежды, которая по покрою не отличалась от мужского халата. Специфичным было включение в нее нагрудника. Брацкие (бурятские) и монгольские девушки до замужества в грудной части верхней одежды носили лоскутки. К сожалению, прямые объяснения этой детали одежды не сохранились. Нет их и в источниках XVIII в. Для реконструкции соискатель прибегает к сравнительному материалу и находит аналогии у эвенков. Скорее всего, пишет диссертант, нагрудный лоскуток декоративно оформлялся и закреплялся завязками на шее и на поясе. У эвенков такой нагрудник символизировал принадлежность девушки к конкретному роду.

Вступление в XIX столетие для бурят ознаменовалось усилением влияния на их культуру новых факторов: переход на оседлый образ жизни, принятие буддизма и православия. Увеличивается миграция из европейской части Российской империи и Западной Сибири, приводящая к росту крестьянского и другого населения (в том числе ссыльных и каторжан). Высокие темпы демографических показателей самих бурят вместе с увеличением русского населения начинают обострять вопросы землевладения.

Вопросы системы расселения, жилищ и хозяйственных построек переплетались с религиозными преобразованиями в регионе, пишет диссертант. Православная церковь продолжала политику отделения бурят-христиан от основной массы народа, инициируя при поддержке губернской и окружных администраций процесс образования отдельных деревень из крещеных бурят, теперь уже на землях самих инородческих ведомств. Вместе со сменой веры эта часть бурят меняла и уклад жизни, становясь земледельцами и деревенскими жителями. Замечу, что такой миссионерский подход типичен для всей России.

В первой половине XIX в. костюмный комплекс бурят не подвергался существенным изменениям. Зимой они носили доху или крытую шубу. В качестве вещественной иллюстрации костюмного комплекса хоринских бурят первой половины XIX в. автор приводит подаренные в 1843 г. Кунсткамере главным тайшой Дэмбиловым, крестником императора Николая I, мужской и женский костюмы, состоящие из 17 предметов. Изучение коллекции показывает, что дизайн и используемые для пошива материалы существенно не отличаются от более поздних гендерных вариантов костюма у данной этнотерриториальной группы. Вероятно, при выборе верхней ткани в мужском халате и женской безрукавке неслучайно был использован именно шелк. Такие вещи преподносились императорской семье.

На страницах диссертации, где идет анализ рубах селенгинских бурят, Андрей Андреевич вступает в полемику с Н.А. Бестужевым. Н.А. Бестужев, говоря о быте селенгинских бурят 1840-х гг., утверждал, что те одевали короткие рубахи «на манер китайских». Если исходить из этих сведений, рассуждает соискатель, то предположительно в первой трети XIX в. у селенгинских бурят получили распространение рубахи распашного типа, и это было влиянием китайской культуры. Но согласиться с таким мнением невозможно, считает диссертант, ибо известно, что традиционной для бурят-скотоводов считается как раз распашная рубаха *морин самса*, которая попала в народный костюм задолго до описываемого писателем-декабристом времени. Не исключено, что Н.А. Бестужев зафиксировал другой немаловажный факт – замену закроечного материала, когда в изготовлении распашной рубахи кожа уступила

место текстилю. К тому же использование ткани, в частности, ситца, в изготовлении распашной рубахи отмечается и у других забайкальских бурят, что подчеркивает общую тенденцию. Таким образом, в диссертации уточняется не совсем верное наблюдение, зафиксированное в первой половине XIX в.

В конце XIX – начале XX в. Российская империя берет курс на ускоренный экономический подъем Сибири за счет массового переселения крестьянского населения из европейской части страны. А это потребовало изъятия части бурятских земель в Переселенческий фонд, что, в свою очередь, сокращало возможности для ведения традиционных форм скотоводства. Вместе с тем усилились темпы седентаризации бурят. К тому же переселенческая политика привела к резкому приросту русского населения в регионе. В итоге в Предбайкалье усугубился процесс сосредоточения земельных угодий в руках состоятельных людей, что привело к обезземеливанию бедняцкой прослойки бурят.

Для системы расселения бурят Предбайкалья было характерно доминирование поселений, расположенных вблизи речек. В то же время расположение населенных пунктов при озерах встречалось очень редко. Это у оседлых бурят. А вот кочевые буряты занимали пастбища у озер, что объясняется необходимостью водопоя скота.

Отличительной чертой внутреннего устройства изб было наличие кроме русской печи небольшой печки *малхан* для установки чугунного котла, в котором по традиции готовилась вся домашняя пища. Соискатель допускает, что идея вмазанного котла могла быть заимствована у переселенцев из Поволжья, которыми могли быть татары, марийцы или чуваши. Что касается марийцев, едва ли. А вот татары и чуваши действительно в конце XIX в. переселялись в Прибайкалье.

Пространство в жилище традиционно подразделялось на сакральную, почетную, хозяйственную и профанную сектора. В юрте бедняка мебели почти не было. Можно было увидеть нары, покрытые войлоком, которые служили постелью. Кроме того – киота и пара сундуков с вещами.

Во второй половине XIX в. происходят некоторые инновации в системе питания бурят. Хотя молочная продукция оставалась традиционной: это – топленое масло, творожистые сырки, творожистая масса *аарса,* кисломолочные напитки в виде простокваши *хоймог* (чуваш. *хăйма*). Из мясного в основном ели конину, а говядину и баранину продавали горожанам. Зерновые культуры в системе питания бурят играли важную роль. Ко второй половине XIX в. спектр возделываемых злаков оставался традиционным: это – просо, пшеница, ячмень, рожь, гречиха, овес. Характерным оставалось рыболовство.

Буряты Прибайкалья достигли определенного прогресса в сукноделии. Они научились ткать сукно на станках. В диссертации приводится пример, имевший место среди баргузинских бурят. В 1854 г. главный тайша Сахар Хамнаев распространил кустарное производство сукна. Как считал этот родоначальник, таким образом можно сократить расходы на приобретение привозных тканей. Из суконных полотнищ в основном шили верхнюю одежду.

Замечания и предложения:

В моем видении было бы еще лучше, если бы автор больше уделял внимание обрядовой стороне культуры жизнеобеспечения. Но это – субъективный взгляд на изучаемые А.А. Бадмаевым объекты. Ибо я в своих работах привык смотреть на них с другой стороны. У Андрея Андреевича получилось четкое историко-этнографическое исследование. А я привык писать работы в русле культурной антропологии. Разница в этом. Видимо, два подхода взаимодополняют друг друга. Но совмещать их полностью трудно и даже невозможно. Здесь каждый автор вправе выбирать свою методологию, которая бы отвечала целям его исследования.

Если бы Андрей Андреевич к используемым архивным единицам хранения дал их названия, годы фиксации и другие паспортные сведения, то от этого работа только обогатилась.

После учета высказанных замечаний и предложений работу хотелось бы увидеть опубликованной в виде монографии.

Таким образом, проведенное Андреем Андреевичем исследование позволяет констатировать, что традиционная система жизнеобеспечения бурят генетически связана с древними и средневековыми культурами Байкальского региона. В диссертации проанализированы природно-географические, социальные, культурные, политические и экономические факторы. Автору удалось подтвердить защищаемое положение о формировании в XVIII–XIX вв. маркирующих черт в культуре жизнеобеспечения бурят на примерах по жилищно-поселенческому комплексу, интерьеру жилища, костюмному комплексу и системе питания. Во второй половине XIX в. из-за капитализации и развития частного предпринимательства усиливается социальное расслоение населения. Все изучаемые явления подаются автором в исторической динамике. Автор умеет водить читателя за своей логикой изложения и таким образом заставляет сомыслить. Одновременно соискатель ведет полемичное рассуждение и не оставляет камня на камне в анализе тех или иных положений. Мы имеем первое научно обоснованное, обобщающее, а по содержанию глубокое историко-этнографическое исследование традиционной

культуры жизнеобеспечения бурят. Поэтому автора следует оценивать как высококвалифицированного и серьезного этнолога.

Андрей Андреевич широко использует полевой материал, архивные источники и публикации предшественников по теме, что обеспечило достоверную базу исследования.

Выбранная им сравнительно-историческая методология исследования позволила оценивать объекты и явления в контексте региональных и общероссийских исторических событий. Полемический стиль анализа и критический подход привели к научно обоснованным выводам.

Опубликованные Андреем Андреевичем работы и автореферат отражают основные положения и выводы, полученные в диссертации.

Диссертационное сочинение А.А. Бадмаева отвечает критериям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней». Исследование является научно-квалифицированной работой. Разработанные в ней положения следует оценить как высокое научное достижение, имеющее социально-экономическое, культурное и хозяйственное значение. Публикация диссертации в виде монографии, а также внедрение в практику имеющихся в ней рекомендаций явятся значительным вкладом в развитие Бурятии и страны в целом. Диссертация представляет собой личный вклад автора в этнографическую науку. Автор корректно ссылается на публикации своих предшественников по теме.

В целом, диссертационное сочинение Андрея Андреевича Бадмаева «Традиционная культура жизнеобеспечения бурят: генезис, эволюция, трансформация» полностью отвечает требованиям ВАК, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.07 – этнография, этнология и антропология, а автор достоин присуждения ему ученой степени доктора исторических наук.

Антон Кириллович Салмин,

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Ведущий научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России

Доктор исторических наук (специальность 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология)

Подпись руки

Салмина А.К.

Заверяю

Зав. канцелярией Никифорова С.В.

«_29_»_ноября ____2017 г.